

УДК 81'28+811.112.2
DOI 10.17223/19986645/27/3

Л.И. Москалюк

НЕМЕЦКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОСТРОВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Языковые особенности, прослеживаемые в островных российско-немецких говорах, проявляются в консервации старых форм и сохранении реликтовых явлений на всех языковых уровнях как следствие оторванности от исходного языкового коллектива, в параллельности развития многих языковых процессов, которые объясняются интенсивными междialeктными контактами, в значительном упрощении грамматической системы и большом числе заимствований из русского языка в результате его длительного воздействия на островные говоры.

Ключевые слова: *островные немецкие диалекты; смешанные образования; фонетические, грамматические и лексические особенности.*

В Западной Сибири сохранились относительно "старые" поселения, так называемые "дочерние колонии", основанные на рубеже XIX–XX вв. немецкими переселенцами из Причерноморья и Поволжья. В этих селах до сих пор, несмотря на массовую эмиграцию, значительную часть составляет немецкоязычное население.

На территории Немецкого национального и Табунского районов, а также прилегающих к ним Славгородского, Благовещенского, Кулундинского и Бурлинского районов Алтайского края насчитывается 38 исторически немецких сел.

Говоры немецких деревень относятся к двум различным группам немецких диалектов, сильно отличающимся друг от друга: нижненемецким и верхненемецким.

Общим для верхненемецких говоров является наличие в их системе консонантизма второго передвижения согласных. Это явление распространено в различных группах верхненемецких говоров неравномерно: одни группы говоров передвижение охватило более полно, другие – лишь частично.

Среди островных верхненемецких говоров, представленных на Алтае, можно выделить говоры, ориентированные как на южнонемецкий, так и на средненемецкий, западносредненемецкий и восточносредненемецкий диалектный ареал.

К говорам, ориентированным на южнонемецкий, относятся смешанные говоры сел Тельман (Т), Забавное (Sb), села Елизаветград (Е) и переселившихся в него жителей бывших сел Мариуполь (М), Узорное (U), Кронштадт (Кг), части жителей села Шумановка, переселившихся из бывшего села Константиновка (К), части жителей села Редкая Дубрава, переселившихся из бывшего села Отрадное (О), части жителей села Дегтярка, переселившихся из бывших сел Кругленькое (Кг) и Малинское (Мl). Это диалект бывших католических поселений на Украине (Гейдельберг, Гохгейм), имеющий признаки как южнонемецкой, так и средненемецкой диалектной группы. В.М. Жирмунский характеризует этот диалект как близкий южнофранкскому,

но сохранивший некоторые признаки южной части восточнофальцского [1. С. 495; 2. С. 927; 3. С. 340].

Говоры рассматриваемой группы принадлежат к так называемым Apfel-диалектам [2. С. 846–847]. В этих говорах на месте удвоенного германского *p*, в середине слова между гласными и в конце слова после гласных встречается аффриката **pf**, например:

apfel, epfel "Apfel", schtampfa "Stämpfer", propfe "pfropfen", tropfe "Tropfen",

schtrimpf "Strümpfe", knopf "Knopf", topf "Topf", schepflefel "Schöpflöffel".

Но следует отметить, что герм. **p** в начале слова в "католических" говорах сохранился как непредвинутый **p** – признак, свойственный южнорейнско-франкским говорам [4. С. 275], например:

pefa "Pfeffer", pan "Pfanne", peif "Pfeife", punt "Pfund", pingschta "Pfingschten".

Только в сочетании согласных герм. **p + l** и в этой группе говоров появляется передвинутый звук **pf**:

pflantsa "Pflanzen, pfluk Pflug", pflije "pflügen",

но flije "pflegen", fui "pfui".

В островных немецких говорах на Алтае широко распространена палатализация **l**. В "католических" говорах палатализованное **l'** встречается во всех позициях, даже в позиции перед гласными заднего ряда:

kel "gelb", kl'aap "glaube", l'ooch "Loch", kl'ua "klein".

Общим признаком в области фонетики для говоров, ориентированных на южнонемецкий диалектный ареал, отличающим их от группы говоров средненемецкого ареала, представленных на Алтае, служит переход **s** в **sch** в позиции перед **p** не только в начале, но и в конце, и в середине слова, например: raschpel "Raspel", haschpel "Haspel", kaschpa "Kaspar", apruschple "abraspeln".

В "католических" говорах происходит переход **st > scht** в начале, в конце и в середине слова, включая сочетание соединительного **s** с последующим **t** в сложных словах, а также в суффиксе превосходной степени прилагательного, например:

pruscht "Brust", kischt "Kiste", wescht "Weste", fescht "fest", schweschta (K) "Schwester", tiinschoach "Dienstag", tunaschoach "Donnerstag";

s klenschte "das kleinste", s menschte "das meiste", s peschte "das beste".

Переход **s > sch** перед **t** осуществляется даже в синтаксических сочетаниях:

taschtu... "dass du...".

Степень распространения **-scht** во флексии глагола служит одним из различительных признаков отдельных групп южнонемецких диалектов, представленных на Алтае. Имеют место отклонения в различных словах и формах слов. В "католических" и "евангелических" причерноморских говорах личное окончание 2 л. ед. ч. **-scht**, но только в "католических" говорах **-s-**, на который оканчивается основа глагола переходит в **-sch + t** в 3. л. ед. ч., например:

hascht "hast", pischт "bist" (E, Kr)

isch "ist" (E, K, O, Ml, Kg)

leescht "(du) liest", lascht "(du) lässt", kischt "(du) küsst",
но lest "(er) liest", last "(er) lässt, kist "(er) küsst" (E, K, O, Kr, U) (ср.: [3. С. 102]).

Таким образом, сочетание **-scht** в наибольшей степени распространено в "католических" говорах, в меньшей степени в "евангелических" говорах.

Объединяющим признаком, характерным для рассматриваемых южнонемецких говоров, является отсутствие озвончения глухих согласных в середине слова между гласными или в сочетании сонорный + глухой согласный перед гласным или после гласного, например:

pleta (Kr, U, E, K, B, O, Sb, T) "Blätter", winta "Winter", kalte "kalte", tresche (Kr, U), trescha (K, E, Sb, O, T) "dreschen", ofa (E, K, Sb), ofe (Kr, U, B, O) "Ofen", weta "Wetter", pesa "besser".

Во всех островных говорах, ориентированных на южнонемецкий диалектный ареал, **r** в положении после гласного, в конце слога, перед другим согласным или в конце слова подвергается частичной или полной редукции, вокализуется, сливаясь с предшествующим гласным или образуя с ним дифтонг, например:

tochta "Tochter", ima "immer", voa "vor", schwats "schwarz", waate (Kr), woota (E, Kn, O) "warten", waa (Kr, U), woa (E, Kn, O) "war".

Подвергаясь редукции, **r** в позиции после свн. **i, e, u, ü, ö** вызывает изменение качества предыдущего гласного. В "католических" говорах вокализация **r** сопровождается расширением предшествующего гласного, например:

fatic'h "fertig", h'ats "Herz", schets "Schürze", kots "kurz", scht'an "Stern", k'an "Korn".

В сочетаниях согласных **rk, rg, rp, rb, rf** звук **r** сохраняется, вокализации препятствует образующийся между **r** и лабиальным или заднеязычным промежуточный гласный **i, e**, например:

ariç, oriç, arik "arg", schtarik "stark", p'arik (Kr, M, Kl), perik, perek (K) "Berg", turich "durch", taref (K, Ml, Kg), "Dorf", k'arep (E, K), korep (Kr), "Korb".

В позиции между двумя гласными сочетание **rb** переходит в **rv** с появлением промежуточного гласного, сочетание **rg > rj**, например:

schterewe (K, Kr, Sb) "sterben", arewet (K, Kg, Ml), perje (E, O) "Berge".

Во всех группах говоров, ориентированных на южнонемецкие, согласный **g** сохраняет смычный характер в сочетании **gl**.

В "католических" говорах в этой позиции происходит назализация предшествующего гласного и вставка **n** перед **gl**:

fongl "Vogel", nangl "Nagel".

Характерной особенностью этой группы говоров является краткий свн. **a**, который при удлинении подвергается лабиализации и дифтонгизации и отражается как дифтонг **oa**:

roada "baden", loada "laden", schpoada "Spaten", soagha "sagen", joagha "jagen", kroawa "Graben", foara "fahren", kloas "Glas",

но naagl, naangl "Nagel", свн. nagel, schnaawl "Schnabel", свн. schnabel, kaawl "Gabel", faata "Grossvater", свн. vater. Свн. **a**: перешел в **o**., но в односложных словах перед переднеязычными взрывными и плавными встречается дифтонг **oa**:

schtroal "Strahl", soat "Saat".

Свн. **u**: также реализуется как дифтонг **oa**, отличающий эту группу говоров от других, представленных на Алтае:

soawa "sauber", hoat "Haut", kroat "Kraut", foal "faul", proan "braun", loat "laut", moal "Maul", roach "Bauch", proat "Braut".

Перед **m** свн. **u** не дифтонгируется, происходит его расширение **u**: => **o**:
schoom "Schaum", свн. schum, schoum, doom "Daumen", свн. dume, doume.

Свн. **i**: подвергся дифтонгизации во всех верхненемецких говорах, представленных на Алтае. В "католических" говорах свн. **i** соответствует дифтонг **ei**:

seit "Seite", свн. site, tseit "Zeit", свн. zide, peif "Pfeife", свн. pfife, eis "Eis", свн. is, pleiwe "bleiben", свн. bliben, reiwe "reiben", свн. riben, schreiwe "schreiben", свн. schriben.

Характерно для "католических" говоров то, что свн. **ei** представлен здесь как дифтонг **oa** или **oi**, которые распространены в баварско-австрийских (**oa**) и швабском (**oi**) говорах [5. С. 117]:

floasch "Fleisch", kloat – kloada "Kleid - Kleider", toal "Teil", hoas "heiß", в конце слова, перед **n, m**, перед **f, v** свн. **ei** => **oi**:

soif "Seife", ftoi "Stein", oi "Ei", kloii "klein", oima "Eimer".

Свн. **ou** сохранился как дифтонг в ряде верхненемецких говоров Алтайского края. В "католических" говорах он перешел в дифтонг **oa**:

koafe "kaufen", свн. koufen, loafe "laufen", свн. loufen, oak "Auge", свн. ouk, loap "Laub", свн. loup, toap "taub", свн. toup, froa "Frau", свн. vrouwe, oa "auch", свн. ouch.

Перед **n** происходит стяжение дифтонга:

tsoo n "Zaun", свн. zoun.

"Католические" говоры обнаруживают при сопоставлении сходство с южнорейнско-пфальцским и швабским диалектным ареалом [3].

Выделенные на основании фонетических признаков группы островных говоров имеют свои морфологические особенности. Система имени существительного в островных немецких говорах развивается в том же направлении, что и система имени в стандартном немецком языке. В народных говорах, не связанных рамками письменной традиции, способствующей консервации грамматической структуры языка, изменения происходят более интенсивно. Еще в большей степени это касается островных говоров, развивающихся в отрыве от основного языкового коллектива. Анализ обширного диалектного материала показывает, что падежные окончания не сохранились ни в одной из шести исследованных групп немецких говоров, представленных на Алтае.

Переход к единообразному типу склонения без падежных окончаний, который происходит во всех исследуемых диалектах, вызван не в последнюю очередь фонетико-фонологическим развитием диалектов. В настоящее время именная система островных немецких диалектов смешанного типа подвержена сильной редукции. Таким образом, категория падежа имени существительного может выражаться только аналитически. Система падежей редуцирована до трех падежей максимально.

Падежные различия, которые передаются формами артикля, выражаются непоследовательно, во многих случаях разные падежные формы совпадают. Склонение существительных мужского, среднего и женского рода показывает различную степень синкретизма падежных окончаний артикля. В разных группах говоров падежная система сохранилась в разной степени.

Для говоров, ориентированных на западно-южнонемецкий диалектный ареал, типично сохранение трехчленной именной парадигмы при противопоставлении номинатива, датива и аккузатива в системе рассматриваемых диалектов, которое оказалось возможным только для существительных. Формы существительных среднего и женского рода в номинативе и аккузативе единственного числа совпадают:

		M	N	F
Sg	N.	ta man	tes (s) kint	ti (t) nas
	D.	tem (m) man	tem (m) kint	tere (te, t) nas
	Akk.	ten (te) man	tes (s) kint	ti (t) nas
		M	N	F
Pl.	N.	ti (t) mensche	ti (t) kina	ti (t) nechte
	D.	te (tene) mensche	te (tene) kina	te (tene) nechte
	Akk.	ti (t) mensche	ti (t) kina	ti (t) nechte

Подобное противопоставление наблюдается в швабском, как в диалектах исходной языковой области, так и в островных швабских говорах Казахстана [6. С. 99].

Склонение существительных с неопределенным артиклем в "католической" группе говоров представляет собой двучленную парадигму, где номинатив и аккузатив при различении трех родов совпадают. Различия в формах неопределенного артикля у существительных мужского рода в номинативе и аккузативе не сохранились:

		M	N	F
Sg	N.–Akk.	on man	o kint	o froa
	D.	om man	om kint	onre froa

Совпадение форм в номинативе и аккузативе для всех трех родов приводит к тому, что формальное различие по родам оказывается в этом случае возможным только при противопоставлении номинатива-аккузатива мужского рода – среднему и женскому и датива женского рода – мужскому и среднему.

Разграничение сильного и слабого типов склонения имен прилагательных прослеживаются в говорах лишь частично. Эти различия зафиксированы нами в единственном числе среднего рода, частично мужского рода во всех верхне- и нижненемецких говорах. У прилагательных женского рода и в формах множественного числа во всех группах говоров эта дифференциация не наблюдается.

Окончания прилагательных сильного склонения

	M	N	F	Pl.
N.	-a, -e	-es	-i	-a
D.	-em, -a	-em, -a	-a, -i	-a
Akk.	-en, -a	-es	-i	-a

Модификация именной флексии прилагательного **-en** => **-e** и **-er** => **-a**, наличествующая как в верхне- так и в нижненемецких говорах, привела к смешению слабого и сильного типов склонения прилагательных. Смешение слабых и сильных окончаний можно продемонстрировать, сопоставив приведенные примеры, где слабые и сильные формы совпадают. Приведенные таблицы показывают, что сильные окончания прилагательных мужского рода номинатива конкурируют с нейтральным или полностью совпадают с ним. Формы датива у прилагательных среднего рода все чаще вытесняются общим падежом, совпадающим по форме с номинативом. В формах женского и среднего рода сильные окончания конкурируют с краткой формой прилагательного во всех верхненемецких говорах. Окончание **-i** флективной формы номинатива женского рода, которое восходит к свн. **iu**, проникло в большинстве верхненемецких говоров в аккузатив и даже датив. Во множественном числе сильные окончания нейтрализованы в редуцированное **-e**. При наличии детерминатива падежные флексии атрибутивного прилагательного становятся избыточными и редуцируются или полностью устраняются. Парадигма слабого склонения прилагательных рассматриваемой группы говоров может быть представлена в следующем виде:

Окончания прилагательных слабого склонения

	M	N	F	Pl.
N.-D.-Akk.	-a	-a	-i	-a

К особенностям морфематики склонения прилагательных в немецких говорах на Алтае относятся окончание **-i** в сильных формах женского рода для большинства верхненемецких диалектов, сохранение старой краткой формы, которая чередуется с флективными формами (Ср.: [4. С. 428–432; 7. С. 55]), полная унификация окончаний слабого склонения, сближение системы сильного склонения прилагательных со слабым склонением.

Если категории лица, числа и рода личных местоимений представлены в значительной степени однородными формами, различающимися в разных диалектных группах только в результате особенностей развития фонетической системы, то склонение местоимений отличается большим разнообразием. В каждой диалектной группе наблюдаются свои особенности.

Склонение личных местоимений в "католических" говорах

Sg.	N.	D.	Akk.	Pl.	N.	D.	Akk.
1.	ich	mia	mich		mia	uns	uns
2.	tu	tia	tich		ia/ea	eich	eich
3.	tea/ea	tem/ehm	ten/ehn		ti/si	tena/ehna	ti/si
	tes/s	tem/ehm	tes/s				
	ti/si	t'are/ehra/e	ti/si				

Анализ материала показывает, что в единственном числе местоимения 1-го и 2-го лица исследуемых говоров различают три падежные формы. Эта особенность характеризует и швабские диалекты, представляющие исходные языковые области западно-южнонемецкого диалектного ареала [6. С. 120].

К особенностям спряжения относится устранение умлаута и преломления в формах сильных глаголов в презенсе индикатива. Во всех группах диалектов на Алтае сильные глаголы с корневым гласным **-a-** устранили чередование на основе умлаута и выровняли парадигму единственного числа по первому лицу.

В верхненемецких говорах сильные глаголы с корневым гласным **-e-** устранили чередование на основе преломления и выровняли личные формы единственного числа по корневому гласному **-e-**:

1.P.	helf	nehm	kep	es
2.P.	helfscht	nehmscht	kepscht	escht
3.P.	helft	nehmt	kept	escht

Для выражения действия в настоящем в исследуемых говорах, как и во многих немецких диалектах, но в отличие от литературного немецкого языка, употребляется настоящее перифрастическое, которое является аналитической конструкцией, состоящей из вспомогательного глагола *tun* в презенсе и инфинитива полнозначного глагола. Например: *Was tuschtu motle?* „Was tust du malen?“

Потеря претерита в разной степени характерна для всех групп рассматриваемых островных верхненемецких диалектов. В простом прошедшем в верхненемецких говорах употребляются лишь немногие глаголы. В „католической“ группе говоров представлена только форма претерита индикатива глагола *sein*. Например: *tes woa recht vun ehm* „Das war recht von ihm“.

Основной формой для выражения прошедшего времени служит перфект. Перфект образуется при помощи вспомогательных глаголов *haben* или *sein* и причастия II. Употребление вспомогательных глаголов в основном совпадает с употреблением их в литературном немецком языке. Исключение составляют глаголы *hocken*, *liegen*, *stehen*, *wohnen*, которые образуют перфект со вспомогательным глаголом *sein* в говорах, ориентированных на южнонемецкую группу диалектов:

sin kleja (K,Kr) "haben gelegen"

sin kschtana (K,Kr) "haben gestanden"

isch/is/hat kwohnt (K,Kr) "hat gewohnt"

hen kschlofe (K,Kr), но *sin kschlowe* (Sb) "haben geschlafen"

В „католической“ группе говоров, в которых представлен претерит глагола *sein*, зафиксированы формы плюсквамперфекта глаголов со вспомогательным глаголом *sein*.

Глаголы со вспомогательным глаголом *haben* образуют в этих группах только двойной перфект при помощи перфекта вспомогательного глагола и причастия II полнозначного глагола. Например:

ti hen schon kschlofa khat un sen schon ufkschtana (Kg) "Die haben schon geschlafen gehabt und sind schon aufgestanden"

ich hap schun kese khat, wi tea man kume is (Kr) "Ich habe schon gegessen gehabt, als der Mann gekommen war"

ti hen ehm pensie kewa khat un tea isch toch f'atkfora (K) "Sie haben ihm Rente gegeben gehabt und er ist doch fortgefahren".

Плюсквамперфект или заменяющий его в южнонемецких говорах двойной перфект (в южнонемецких говорах плюсквамперфект утрачен полностью или частично) выражает, как и в литературном немецком языке, предпрошедшее или употребляется как форма, синонимичная перфекту.

В «католической» группе говоров встречается форма ультратплюсквамперфекта со вспомогательным глаголом sein в плюсквамперфекте:

ich wa schun aikschofe kwest "Ich war schon eingeschlafen gewesen"

ti wore kfore kome kwest un sin schun wida f'at "Sie waren gekommen gewesen und sind schon wieder fort"

ich wo keschta pa eich, awa ea woat al uf t'erwet f'atkonga kwest "Ich war gestern bei euch, aber ihr wart alle zur Arbeit fortgegangen gewesen".

Подобное развитие временных форм наблюдается в островных южно-франкских говорах Румынии, в которых также употребляется плюсквамперфект индикатива глаголов со вспомогательным глаголом sein и двойной перфект полнозначных глаголов со вспомогательным глаголом haben [8. С. 148].

Категория наклонения глагола немецких диалектов на Алтае включает индикатив, императив и конъюнктив. Из форм конъюнктива во всех рассматриваемых диалектах распространены только претеритальные формы [4. С. 469–470; 5. С. 165; 9. С. 142–146]. В качестве форм конъюнктива выступают плюсквамперфект и претерит. Широкое распространение получили аналитические сочетания инфинитива со служебным глаголом tun в претерите конъюнктива, которые, как и синтетическая форма претерита конъюнктива, служат для обозначения ирреального действия в настоящем и будущем в отличие от плюсквамперфекта, который обозначает ирреальное действие в прошлом. В рассматриваемых верхненемецких говорах флективные формы претерита конъюнктива сохранили только вспомогательные и претеритопрезентные глаголы, а также глагол brauchen.

Для обозначения ирреального действия в настоящем и будущем всех остальных глаголов в говорах употребляется аналитическая конструкция с глаголом tun в претерите конъюнктива. Аналитическая конструкция заняла место синтетических форм конъюнктива, утраченных в верхненемецких говорах, и приобрела все основные признаки данной категории, поэтому, являясь одной из основных форм конъюнктива, она входит в собственно парадигму в отличие, например, от аналитической конструкции tun и инфинитив полнозначного глагола, перифрастического настоящего. Например:

dea tet marjaem goda schafa (K) "Er würde morgen im Garten arbeiten";

wan ich jung wea, to tedich tantse (E) "Wenn ich jung wäre, da täte ich tanzen".

Во всех рассматриваемых верхненемецких говорах употребляется плюсквамперфект конъюнктива:

ich het aach k'an weite kleant (E) "ich hätte auch weiter gelernt"

des wea kaput kange (Sb) "das wäre kaputt gegangen"

tu hescht ham kehe mise (T) "du hättest nach Hause gehen sollen".

Если плюсквамперфект почти полностью вышел из употребления как

временная форма индикатива, то он остается активно употребляемой формой конъюнктива. Таким образом, в немецких говорах произошло перераспределение форм категории наклонения.

Во всех исследуемых диалектах зафиксированы формы повелительного наклонения 2-го лица единственного и множественного числа. Форма 2-го лица единственного числа образуются от основы глагола в инфинитиве без окончания, а 2-го лица множественного числа с помощью окончания **-t** в верхненемецких и окончания **-e** (<=**-en**) в нижненемецких говорах.

В верхненемецких говорах форма 2-го лица множественного числа употребляется и как форма вежливого обращения.

Широкое распространение имеет в рассматриваемых говорах инклюзивная форма императива, которая совпадает с формой 1-го лица множественного числа и грамматическим средством выражения которой служит конверсивный порядок слов:

gehe mea "Gehen wir!"

В „католических“ говорах представлена аналитическая форма императива, изменяемая форма глагола *tun* в презенсе и инфинитив полнзначного глагола:

tu mol em peta was fatsela (E) "Tue mal dem Peter etwas erzählen!"

Несмотря на длительное развитие в условиях изоляции от исходного языкового коллектива, рассматриваемые говоры сохраняют, хотя и в разной степени, изоморфные черты, свойственные диалектам исходных языковых областей. В островных диалектах в зонах наиболее интенсивных междиалектных и межъязыковых контактов в большой степени проявляется действие аналогии, стремление к унификации. При этом интенсивность преобразований в этом направлении затрагивает в большей степени морфологический уровень языка. Параллельность развития многих процессов в говорах можно рассматривать как результат ареальной конвергенции.

Каждый из немецких говоров, представленных на территории Алтайского края, отличается не только фонетическими и морфологическими особенностями, но и особенностями лексики. Распространение локально отмеченных лексических единиц в "католических" говорах можно проиллюстрировать следующими примерами: *not* „dann“, *jupkala* „Jüppchen, Hemdlein“, *hemeldje* „Kälbchen“, *tade* „Papa“, *poas* „Base, Tante“, *kiml* „Dill“, *foomlefel* „Schaumlöffel“, *kedl* „Patin“, *petrich* „Pate“, *koal* „Pferd“, *pluut* „kahl“, *heila* „weinen“. Эти говоры обнаруживают признаки пфальцских и швабских диалектов, что находит отражение и в словарном составе говоров.

Лексико-семантический уровень языковой структуры островных говоров складывался не только под влиянием общих внутриязыковых закономерностей, но и в результате взаимодействия и смешения различных немецких говоров, носители которых находятся в непосредственной близости друг к другу, а также под влиянием русского языка в условиях длительной изоляции от исходного языкового коллектива. Компактное проживание их носителей в обособленных населенных пунктах способствовало сохранению отдельных черт материнских диалектов, принесенных из родных мест. В словарном составе островных говоров до сих пор имеется целый ряд слов и выражений, свойственных лишь определенным областям Германии.

Литература

1. Жирмунский В.М. Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 491–516.
2. Wiesinger P. Deutsche Dialektgebiete außerhalb des deutschen Sprachgebiets: Mittel-, Süd- und Osteuropa // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Hb. 2. Berlin; New York: de Gruyter, 1983. S. 900–929.
3. Post R. Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft. 2. Aufl. Landau: Pfälzische Verl.-Anst., 1992.
4. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
5. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983.
6. Hufnagl A. Laut- und Formenlehre der Mundart von Memmingen und Umgebung. München, 1967.
7. Канакин И.А. Краткий очерк морфологии немецких диалектов. Новосибирск: Наука, 1983.
8. Barba K. Deutsche Dialekte in Rumänien. Die südfränkische Mundart der Banater deutscher Sprachinsel. Wiesbaden: Steiner, 1982.
9. Frey E. Stuttgarter Schwäbisch. Laut- und Formenlehre eines Idiolekts. Marburg: Elwert, 1975.

Moskalyuk Larisa I., Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru

GERMAN ISLAND DIALECTS IN WESTERN SIBERIA. DOI 10.17223/19986645/27/3

Keywords: Island German dialects, mixed formations, phonetic, grammatical and lexical features of Russian-German dialects.

German island dialects in Western Siberia are specific mixed formations developing over a long period of time in the foreign-language environment in the process of intensive contact with the Russian language. A comprehensive study of the sound structure, vocabulary and grammar of the German dialects is carried out here followed by the allocation of the distribution of individual lexical units, phonetic and grammatical phenomena in some places densely populated by Russian Germans in the Altai. Among the studied material there are no dialects that fully coincide with those currently existing in Germany, there are also no dialects that would exactly repeat any dialects of the parent colonies in the Ukraine and the Volga region. Language features of the researched island German dialects are manifested in the conservation of the old forms and preservation of primordial phenomena as a consequence of isolation from the source language community, in parallelism of the development of many processes in the Russian-German dialects, which are explained by intense interdialectic contacts, in a significant simplification of the grammatical system and a large number of borrowings from the Russian language as a result of its prolonged and strong impact on the island dialects. Mixed dialects of immigrants from the former Black Sea Catholic colonies show phonetic features of the western South German, partly southwestern Middle German dialect area.

For dialects with the features of the western South German dialect area, it is characteristic to preserve the three-member paradigm opposing the nominative, dative and accusative cases of nouns. The special features of morphemics of adjective declension in the German dialects of the Altai are the ending -i in the strong forms of the feminine, the preservation of the old short form of the adjective, along with inflectional forms, a complete unification of the weak declension endings, and the convergence of the strong declension of adjectives with the weak declension.

Loss of the preterite in varying degrees is common to all groups of island Upper German dialects under consideration. In the "Catholic" group of dialects only the preterite indicative form of the verb *sein* is represented.

The studied dialects preserved the old forms of double perfect and pluperfect. The conjunctive forms represent preterite forms and pluperfect. Widespread are combinations of the infinitive with the auxiliary verb *tun* in the conjunctive preterite. Only auxiliary and modal verbs preserved the inflected forms of the conjunctive preterite.

In the vocabulary of the island dialects there still are some words and expressions peculiar only to certain areas of Germany. Under the influence of the Russian language in the conditions of long-term isolation from the source language community a considerable number of borrowings penetrated in the island dialects from the language of the environment.

References

1. *Zhirmunskiy V.M.* Problemy pereselencheskoy dialektologii // *Obshchee i germanskoe yazykoznanie*. L., 1976. S. 491–516.
2. *Wiesinger P.* Deutsche Dialektgebiete außerhalb des deutschen Sprachgebiets: Mittel-, Süd- und Osteuropa // *Dialektologie*. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Hb. 2. Berlin; New York: de Gruyter, 1983. S. 900–929.
3. *Post R.* Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft. 2. Aufl. Landau: Pfälzische Verl.-Anst., 1992.
4. *Zhirmunskiy V.M.* Nemetskaya dialektologiya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956.
5. *Filicheva N.I.* Dialektologiya sovremenogo nemetskogo yazyka. M.: Vyssh. shk., 1983.
6. *Hufnagl A.* Laut- und Formenlehre der Mundart von Memmingen und Umgebung. München, 1967.
7. *Kanakin I.A.* Kratkiy ocherk morfologii nemetskikh dialektov. Novosibirsk: Nauka, 1983.
8. *Barba K.* Deutsche Dialekte in Rumänien. Die südfränkische Mundart der Banater deutscher Sprachinsel. Wiesbaden: Steiner, 1982.
9. *Frey E.* Stuttgarter Schwäbisch. Laut- und Formenlehre eines Idiolekts. Marburg: Elwert, 1975.